

ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СИНТЕЗ: ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ¹

Резюме

С позиций системного историко-эволюционного подхода, раскрывающего взаимоотношения между природой, обществом и личностью, анализируется эволюционное значение индивидуальных различий и доказывается, что восхождение к личностной неповторимости является одной из стратегических линий развития жизни на Земле.

Ключевые слова: историко-эволюционный подход, система, индивидуальность, индивидуальные различия, социум, взаимопомощь, конкуренция.

I. Взаимная помощь и конкуренция как производные индивидуального разнообразия

«Взаимная помощь как фактор эволюции» - эта часть названия данной статьи намеренно возвращает нас к одноименной и знаменитой книге Петра Кропоткина, впервые увидевшей свет в 1902 г., а в 2007 г. опубликованной через 100 лет после последнего переиздания. Несмотря на то, что с момента ее написания прошло более века, обилие соответствующих ссылок говорит о не иссякающем интересе не только к заданной теме, но и к более широкой проблеме эволюционных корней социальных взаимодействий вообще. Возьмем на себя смелость вступить в воображаемый диалог с Петром Алексеевичем Кропоткиным. Анализируя данные различных областей знания (как естественных, так и гуманитарных), зададимся вопросом, что нового добавляет к его идеям системный историко-эволюционный подход и в чем сегодня можно согласиться и не согласиться с автором первоисточника?

Работа «Взаимная помощь как фактор эволюции» была полемическим откликом на популярный в то время социал-дарвинизм, объясняющий эволюцию социальной жизни принципами естественного отбора и подчеркивающий исключительную роль конкуренции и конфликтов. В отличие от Ч. Дарвина, представления которого о естественном отборе никогда не выходили за рамки биологических процессов, социал-дарвинизм декларирует инди-

---

¹ Впервые опубликовано: *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 3–14.

видуальную борьбу за выживание в качестве основного принципа общественной жизни человека. Самым ярким идеологом социал-дарвинизма принято считать английского философа и социолога Г. Спенсера. Именно он является автором выражения «survival of the fittest» («выживание наиболее приспособленного»), основополагающего для мировоззрения, согласно которому любое существо, недостаточно энергичное, чтобы бороться за собственную жизнь, должно погибнуть. Утверждается, что этот закон природы универсален, и всякое нарушение естественного хода событий приводит к вырождению, поскольку поощряет «худших за счет лучших» (Спенсер Г., 1866). Таким образом, социал-дарвинизм связывает прогресс исключительно с индивидуальной свободой и свободой конкуренции.

Напротив, по мысли П.А. Кропоткина, в живой природе и в человеческом обществе кооперация и взаимопомощь являются более естественным явлением, чем «война каждого против всех». «Признать безжалостную внутреннюю борьбу за существование в пределах каждого вида и смотреть на такую войну как на единственное условие прогресса, значило бы допустить и нечто такое, что не только еще не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственным наблюдением» (Кропоткин П.А., 2007). А непосредственное наблюдение говорит о другом — о повсеместности обоюдной поддержки. Согласно логике П.А. Кропоткина, взаимная помощь может рассматриваться в качестве фактора эволюции только при условии ее важности для поддержания существования, сохранения и развития каждого вида, т.е. «если только ее общность может быть доказана» (Кропоткин П.А., 2007). Искомое доказательство он находит, анализируя факты сотрудничества у представителей разных видов — от беспозвоночных до человека. Эти факты свидетельствуют об универсальности феномена взаимопомощи и его тесной связи с эволюционным развитием живых систем. По мнению П.А. Кропоткина, «виды животных, у которых индивидуальная борьба доведена до самых узких пределов, а практика взаимной помощи достигла наивысшего развития, оказываются неизменно наиболее многочисленными, наиболее процветающими и наиболее приспособленными к дальнейшему прогрессу» (Кропоткин П.А., 2007).

Акцентируя значение закона взаимной помощи, П.А. Кропоткин вместе с тем признает, что «в человеческом обществе имеется также самоутверждение индивидуума» (Кропоткин П.А., 2007).

Поэтому он утверждает, что «никакой обзор эволюции не может претендовать на полноту, если в нём не будут рассмотрены оба эти господствующие течения». Однако прогноз его пессимистичен: «произвести хотя бы грубую ... оценку их относительного значения, очевидно, невозможно» [Кропоткин П.А., 2007]. Возразим ему: потенциал, которым обладает историко-эволюционный подход, делает это осуществимым.

Историко-эволюционный подход впервые был сформулирован в 1985 г. В его основу положена идея о том, что условием изучения «феномена человека» может быть только анализ зарождения, развития и функционирования комплекса порождающих его физических, биологических и социальных систем. *Индивидуальные особенности сколь бы самобытными они ни казались, в своей основе имеют системное происхождение, самим фактом своего существования обязаны системе* (Асмолов А.Г. 2007). Приоритетное влияние на формирование личности имеют социальные системы, поскольку индивиды являются их единственной составной частью. *Индивидуальность личности самим своим происхождением обязана социальной общности* (Асмолов А.Г., 2007).

Но социальная целостность характеризуется тем, что ее единицы являются самодостаточными в онтологическом смысле подсистемами. Образуя социальное единство и функционируя как его части, они не перестают существовать в качестве полноценных и самостоятельных сущностей¹ (Гильдебрант Д., 2000). Поэтому процессы эволюции индивидуальности и развития общества не только неразрывно связаны, но и протекают в *обоюдном* контексте. Историко-эволюционная методология с необходимостью требует комплексного системного исследования «подвижного в подвижном», развития одной системы (индивидуальной) внутри другой (социальной).

Нераздельность индивидуальной и социальной систем и их взаимная обусловленность делают существование индивида любого филогенетического уровня в любом сообществе двойственным по своей сути, поскольку порождают диаметрально противоположные устремления: направленность на сохранение и экспансию собственного Я, с одной стороны, и тягу к сотруд-

---

¹ Чтобы подчеркнуть это качество, сравним социум с другой системой — организмом, части которого (голова, руки, ноги, отдельные органы) не существуют сами по себе и, будучи отделены от целого, гибнут как живые образования.

ничеству — с другой. Это противоречие не эксклюзивно — присутствие противоположностей является существенной особенностью организации функционального единства живых систем самого разного назначения. В качестве примеров можно привести функциональную противоположность симпатического и парасимпатического отделов, создающих целостный эффект вегетативной нервной системы, эмоциональную оппонентность и многое другое. Историко-эволюционный подход утверждает и позволяет доказать, что *необходимым условием развития различного рода систем является наличие противоречия между адаптивными формами активности, направленными на реализацию родовой программы и проявлениями активности элементов, несущих индивидуальную изменчивость* (Асмолов А.Г., 2007). В этой связи вернемся к поставленному П.А. Кропоткиным вопросу о возможности оценить относительный вклад в эволюцию живого двух факторов — взаимной помощи и самоутверждения индивидуума. По его мнению, эта проблема не решаема. Однако если наличие антиподов является условием развития системы, то вопрос об относительной значимости конкуренции и кооперации теряет смысл, поскольку они равнозначны в том смысле, что непременным условием жизнеспособности любого сообщества является присутствие того и другого. Вместе с тем каждое конкретное сообщество характеризуется собственной «пропорцией» этих противоположностей.

Парадокс сосуществования противоречивых потребностей индивида, определяемых оппозицией «Я — сообщество», интригует еще более тем, что они *вырастают из единого источника*. Этим источником являются индивидуальные различия. Поясним это. С одной стороны, индивидуальная уникальность порождает инстинкт защиты собственного «Я» и направленность на конкуренцию. Этот инстинкт особенно силен у человека, поскольку разнообразие людей определяется не только разнообразием их поведения и физических возможностей, но и разнообразием сложных внутренних миров, не имеющих аналогов в животном царстве. Потребность уберечь собственное физическое и психическое пространство и конкурировать за его расширение является проявлением инстинкта, препятствующего разрушению «Я». Наряду с индивидуалистической направленностью потребность жить в сообществе также может рассматриваться как неизбежный результат индивидуальной неповторимости. Почему коопе-

рируются только неидентичные индивиды? Это предопределено тем, что любой из них, будучи уникальным, неминуемо имеет как сильные, так и слабые стороны, а значит, превосходя других по некоторым свойствам, неизбежно отстает по остальным характеристикам. Ограниченность индивидуальных возможностей делает выгодной кооперацию: дополняя друг друга, можно достичь того, что недоступно каждому поодиночке. В такой кооперации неизбежны противоречия, поскольку возможности и интересы нетождественных индивидов всегда не совпадают. Разрешение этих противоречий требует компромиссов, реализация которых и создает кооперативную конструкцию (Заварзин Г.А., 1993).

Возвратимся к диалогу с П.А. Кропоткиным. Он настаивает, что «практика взаимной помощи и ее последовательное развитие создали самые условия общественной жизни» (Кропоткин П.А., 2007). Однако истоки общественной жизни следует искать значительно глубже. Не практике взаимной помощи, а индивидуальным различиям принадлежит исключительная роль в формировании сообществ, и это касается не только общественных объединений. Любые «целостности» создаются совокупностью взаимодействий дифференцированных частей. Взаимодействие между частями инициируется различием - к такому заключению приходит один из выдающихся мыслителей XX в. Г. Бейтсон (Бейтсон Г., 2007). Итак, взаимная помощь, как частный случай сотрудничества, является производной индивидуальных различий. В воображаемой полемике это подводит нас еще к одному вопросу: можно ли рассматривать в качестве фактора эволюции не взаимную помощь, как утверждал П.А. Кропоткин, а индивидуальные различия?

Историко-эволюционный подход рассматривает *генерирование разнообразия как функцию целенаправленной деятельности в эволюции сложных систем и развитие жизни как восхождение к внутривидовому разнообразию* (Асмолов А.Г., 2007). Если не выходить за рамки естествознания, то этот тезис можно свести к утверждению, что индивидуальные различия как таковые (т.е. независимо от их качества) обуславливаются неподвластными человеку законами природы. Эта констатация не относится к разряду бесспорных, поскольку разделяется далеко не всеми. В доказательство приведем справедливые и поныне слова великого немецкого философа А. Шопенгауэра: «Различия знаний и состояний охотно признаются всеми, ... но никто не желает признавать огромное

различие между людьми, полагаемое самой природой ...» (Шопенгауэр А., 1992). Однако разнообразие, специализация и симбиоз определяют жизнь с момента ее зарождения, с самых простых ее форм. Не тождественность организмов, разделение их функций и взаимовыгодное сосуществование — это направление в эволюции живых систем можно проследить от элементарной (бактериальной) жизни до самых сложных ее форм. Как утверждает один из ведущих микробиологов и эволюционистов современности Г.А.Заварзин, первичная биосфера сложилась именно как система разнородных микроорганизмов, в определенном порядке взаимодействующих между собой и с косными факторами среды. По его мнению, начиная с прокариот, действующим лицом в природе является сообщество — кооперативное единство неидентичных единиц (Заварзин Г.А., 2003).

Не случайность огромного числа разновидностей форм жизни связана прежде всего с разноликостью среды ее существования, поскольку, как показал В.И. Вернадский, явления жизни и геофизические явления являются проявлением единого процесса. (Вернадский В.И., 1994). Воплощением этого единства является такое взаимодействие, когда геосфера приобретает свойства, которых она была бы лишена в отсутствие жизни, а жизнь, в свою очередь, формирует все новые формы в ответ на изменение условий обитания (Вернадский В.И., 1983). Фундаментальная зависимость разнообразия любых сложных объектов (в том числе и живых) от разнообразия внешних воздействий определена У.Р. Эшби, который на основании принципов кибернетики сформулировал закон необходимого разнообразия: «чтобы управление системой было возможно, разнообразие управляющих действий должно быть не меньше разнообразия возмущений на входе» (Ashby W.R., 1958). Согласно этому закону, разнообразие жизни предопределено пространственной неоднородностью и постоянными изменениями во времени входных влияний внешней среды.

Необходимое разнообразие достигается благодаря тому, что живые организмы изначально способны внутренне перестраиваться и, следовательно, принимать новый облик и новую направленность (Тейяр де Шарден П., 2002). Универсальными механизмами перестройки и обретения новых свойств являются мутации, а также сопряжения генных наборов разных организмов — как непредсказуемые, так и запрограммированные. Способность к ге-

нетической реорганизации прослеживается от прокариот до человека, хотя и осуществляется разными путями.

По мере усложнения организмов и их сообществ индивидуальное разнообразие нарастает. *Чем выше развито то или иное сообщество, тем большую вариативность имеют входящие в него особи* (Асмолов А.Г., 2007). Это является результатом эволюции нескольких самостоятельных механизмов (как случайных, так и запрограммированных), направленных исключительно на генерирование разнообразия. То, что в процессе развития независимые механизмы усвершенствуются и «затачиваются» на одну цель — увеличение индивидуального разнообразия — позволяет рассматривать последнее как ароморфоз. В отличие от идиоадаптации, означающей приспособление к частным условиям среды, понятие «ароморфоз» относится к эволюционным изменениям, связанным с расширением условий существования (Северцев А.Н., 1967). Говоря об индивидуальном разнообразии как об ароморфозе, мы имеем в виду не приспособленность отдельных организмов, а расширение жизненного пространства их сообществ. Зависимость приспособленности популяции от степени ее генетического полиморфизма формализована теоремой Р. Фишера, согласно которой скорость повышения приспособленности любой популяции в любое время равна ее генетической дисперсии по приспособленности в это время (Fisher R.A., 1930). Значит, с ростом генетического разнообразия популяции расширяется диапазон воздействий, к которым адаптирована популяция в целом.

Помимо того, что механизмы, генерирующие индивидуальные различия, увеличивают «сиюминутную» адаптацию, они работают «на опережение», создавая некоторое количество экземпляров, слабо приспособленных к условиям жизни в настоящем. Эта стратегия универсальна, но впечатляющим примером ее реализации служат мутации. В общем случае мутациями называются случайные изменения в генах, возникающие под влиянием внешних причин или спонтанно. Мутации могут как повышать, так и понижать жизнеспособность отдельных организмов. Естественный отбор наиболее приспособленных мутантов рассматривается как основополагающий принцип Дарвиновской молекулярной генетики (Fisher R.A., 1930). Однако, вопреки теории Ч. Дарвина, в реальности *все варианты* первоначальной «генетической версии» (и положительные, и отрицательные), как правило, сосуществу-

ют и беспрепятственно размножаются (Эрлих П., Холм Р., 1966). Значит, имеют смысл не только «полезные» мутации, но и процесс мутирования как таковой, безотносительно к направлению вызванных им изменений. Его значение состоит в том, чтобы *вариативность организмов, даже в строго контролируемых популяциях поддерживалась на высоком уровне*. (Гробстайн Г., 1968). Такая стратегия защищает сообщество от стагнации и обеспечивает его развитие, формируя некоторый «функциональный резерв», необходимый потому, что невозможно заранее предугадать, какой организм окажется «правильным», а какой «ошибочным» в непредсказуемом будущем. Историко-эволюционный подход декларирует этот принцип в качестве универсального: *В любой эволюционирующей системе функционируют избыточные преадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля и обеспечивающие саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий существования* (Асмоллов А.Г., 2007).

Итак, гетерогенность живого имеет важное приспособительное значение, поскольку отвечает *общему принципу*, согласно которому, *чем более разнообразна биомасса, тем шире возможности освоения среды организмами и тем больше их устойчивость к окружающим условиям* (Гробстайн Г., 1968). Из этого следует, что уникальность каждой личности, ее непохожесть на других самоценна, поскольку является естественным следствием одного из основных направлений развития жизни на Земле.

Сосуществование разнородных элементов в любой живой системе с необходимостью требует их согласования, которое достигается работой специальных механизмов. Конкретная форма этих механизмов зависит от уровня живой системы: в организме они одни, а в социуме — совсем другие. Однако сам факт обязательности координирования деятельности «разноликих» единиц системы универсален. Доказательством тому служит присутствие механизмов согласования на всех уровнях организации живого: 1) в единичной клетке; 2) в многоклеточном организме; 3) в сообществах животных, с преобладающей инстинктивной формой поведения; 4) в человеческом социуме. Для наглядности дадим краткую характеристику каждого из этих механизмов.

Все известные организмы могут быть отнесены к одной из двух групп: эукариоты или прокариоты. Критерием такого деления является наличие (или отсутствие) клеточного ядра, содержащего

генетический материал. Эукариотические клетки, имеющие ядро и представляющие собой систему более высокой организации, возникли в результате слияния и симбиоза первоначально самостоятельных прокариот (Мережковский К.С., 1909; Маргелис Л., 1983). Симбиотическое объединение в единой эукариотической клетке автономных прокариот потребовало механизмов согласования их геномов. Эта необходимость, по-видимому, и явилась стимулом развития ядра, поскольку содержание генетического материала в едином центре облегчало формирование новых регуляторных систем, обеспечивающих слаженную работу прежде независимых компонентов (Марков А.В., 2010).

Другой «механизм согласования» начинает функционировать при интеграции отдельных клеток в систему следующего уровня — многоклеточный организм, единицы которого связаны единством генома, но выполняют разные функции. За координацию активностей отдельных единиц отвечает специализированные гены, препятствующие переходу клеток к независимому существованию. С помощью белковых продуктов этих генов достигается следующее: каждая клетка соотносит собственный рост с ростом окружающих единиц; в объединении ограничивается продолжительность жизни каждой клетки; соблюдается баланс питания, поскольку все клетки включены в общую систему кровоснабжения (Клаг У., Камингс М., 2009).

В сообществах млекопитающих с преимущественно инстинктивным поведением также существует непроизвольным образом реализуемое согласование специализаций разных особей в отношении разных форм поведения. Такое согласование является результатом эволюционно-стабильной стратегии (ЭСС). По определению, ЭСС — это генетически запрограммированная линия согласованного поведения при асимметрии интересов взаимодействующих индивидов (Parker G.A., 1984). Ярким примером инстинктивных программ согласования разных видов поведения является кооперация половых партнеров. ЭСС дает возможность ясно увидеть, что совокупность генетически нетождественных единиц с противоречивыми интересами по принципу дополнительности создает новое единое целое — сообщество половых партнеров, которое является эволюционным предшественником качественно новых объединений — социальных структур. Кардинальное отличие социальной системы от организменной состоит в *несводимости приспособленности отдельных ее единиц к общей*

приспособленности. Вследствие этого в социуме не единицы существуют во имя системы (как в организме), а *система во имя единиц*.

Приведенные феномены демонстрирует общее правило, согласно которому, если некоторое число различных систем соединяются в некоторое целое более высокого порядка, то в процессе такой интеграции в них происходят изменения, делающие их более подходящими для сотрудничества (Лоренц К., 1998).

В человеческом социуме роль, аналогичную роли генетических регуляторов, выполняют право, мораль и этика, регламентирующие поведение людей с помощью системы предписаний, которые каждая личность признает нравственными ценностями.

В отличие от «действующей» морали, которая у каждого народа и у каждой эпохи может быть своей, этика характеризуется единством, и ее дело — показать, что является априорным и универсальным благом, независимым от частных разновидностей морали (Шрейдер Ю.А., 1994). Что же является абсолютным благом для всех?

Этот вопрос подводит нас к дискуссии по еще одному из центральных пунктов воззрений П.А. Кропоткина, согласно которому «главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы также видим лучший задаток еще более возвышенной дальнейшей эволюции человеческого рода» (Кропоткин П.А., 2007). Такая точка зрения не учитывает, однако, насколько существенна во взаимодействии личностей их гетерогенность, нетождественность.

Между тем неисчерпаемое разнообразие жизни — это одна из основ существования всех ее форм от простейших до человека. Философское представление о преемственности органического, психического и духовного опирается на учение великого немецкого философа Н. Гартмана о «слоистости» бытия. По его утверждению, бытие многоступенчато и включает в себя четыре «великих слоя»: неорганический (физический), органический (биологический), душевный (психический) и духовный (идеальное бытие). Каждый более высокий слой бытия целиком базируется на нижележащем, но определяется им лишь частично, поскольку имеет свои собственные законы и принципы (Гартман Н., 1988, 2002). Н. Гартман пишет: «... органическая природа возвышается над неорганической. Она не может, однако, быть независимой, а

предполагает отношения и закономерности материального мира; она основывается на них, хотя они никоим образом не достаточны, чтобы составить живое. Точно также психическое бытие и сознание обусловлено несущим их организмом, в котором и вместе с которым они только и могут явиться на свет. Подобным же образом великие исторические события духовной жизни связаны с духовной жизнью индивидов их носителей в тех или иных условиях. Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на “низшем”, обусловленности этим “низшим” и в то же время самостоятельности высшего в его своеобразии и собственной закономерности. Это отношение и есть, по существу, единство реального мира» (цит. по: Лоренц К., 1998, с. 277). Поскольку реальному миру свойственна неповторимость, можно с уверенностью утверждать, что личностная индивидуальность — это та общечеловеческая ценность, о которой «позаботилась» сама природа, и которую должна учитывать любая этическая система.

Поэтому фундаментом этического отношения людей, из которого вытекают их решения и действия, является взаимное признание и уважение равноправия индивидуальности другого, априорно непохожего на меня. Толерантность совсем не означает нивелирования собственной индивидуальности. По выражению известного польского кинорежиссера К. Занусси, «в контрасте мы лучше чувствуем себя» и «мы лучше понимаем себя, если есть другой». А взаимопомощь, с которой П.А. Кропоткин связывает этический прогресс, представляет собой следствие этой абсолютной ценности. Но, как хорошо известно, ценности не обладают принудительной силой и ничто не нарушается так часто, как заповеди, говорящие о должном.

II. Жизнь как восхождение к разнообразию психических миров

В заключение попробуем представить себе следствия развития, направленного в сторону все большей персонификации индивидов. Истоки этого вектора эволюции следует искать, по видимому, в свойствах самой жизни. Живые системы — это открытые целостные гомеостатические системы, поддерживающие свою целостность собственными усилиями в условиях непрерывного взаимодействия с внешней средой (Maturana Н., 1975). Иначе говоря, каждая живая система воссоздает самое себя: ее

организация является продуктом ее же активности. *В отсутствие этой активности живое перестает существовать*, и целенаправленная осознанная деятельность является эволюционной производной этой активности. Важным следствием целостности и аутопоэза (самосозидания) живых систем является их *индивидуальность*. Суть индивидуальности, в данном случае, состоит в уникальности каждого организма, в несводимости организации одной живой системы к организации другой. Далее. Параметры открытых систем, к которым относятся и живые системы, неизбежно меняются под влиянием внешних воздействий. Коррекция параметров, т.е. удержание их в диапазоне значений, оптимальных для поддержания организации данной живой системы, требует оценки внешних сигналов. Необходимость этой оценки с неизбежностью порождает свойство познания. Таким образом, *познание является неотъемлемым свойством всех живых систем* (Матурана У., 1996). Будучи индивидуальной, *каждая живая система отражает не мир вообще, а конструирует некий конкретный мир*, всегда обусловленный ее уникальной организацией.

Неизбежным следствием индивидуальности живых систем и их специализации является объединение в сообщества на основе дополнительности. При анализе сосуществования индивидуальностей в сообществе встает проблема, суть которой заключена в вопросе: что является объектом эволюции - индивид или объединение индивидов? В биологии хорошо известны две классические, но противоположные точки зрения. Согласно первой — организмоцентрической - первостепенное значение в эволюции имеют изменения индивидов, а не популяций. С позиции сторонников второй точки зрения, напротив, наименьшей (элементарной) эволюционной единицей является популяция. В отличие от классических подходов, историко-эволюционная парадигма основывается на системно-контекстуальном подходе, который *рассматривает эволюцию индивидов и их сообществ не как альтернативу*. Этот подход исходит из возможности сопряжения эволюционных изменений особей с эволюцией их объединений и наоборот. Иначе говоря, согласно контекстуальному подходу, индивиды и сообщества эволюционируют в обоюдной обусловленности. При этом конструктивным фактором самой эволюции является психика — связующее и самое пластичное звено, посредством которого организмы приспособляются

к условиям внешнего мира вообще и к социальным условиям в частности. Психика — это точка роста нашего рода (Асмолов А.Г., 2007).

В рамках историко-эволюционного подхода «контекстуальная спираль развития» представляется следующим образом. Само по себе объединение уникальных индивидов в сообщество с необходимостью порождает новые психофизиологические свойства индивидуальности, а именно:

(1) неизбежную реакцию на присутствие себе подобных (психофизиологический эффект группы);

(2) избирательное восприятие других членов сообщества (социальную перцепцию);

(3) «оппонентные инстинкты», являющиеся инструментом ключевых социальных взаимодействий — конкуренции и кооперации, поскольку устойчивость любого сообщества обеспечена балансом этих противоположностей (к таким инстинктам, в первую очередь, относятся агрессия и альтруизм);

(4) предрасположенность к доминированию и подчинению, вызванную к жизни иерархической структурой сообщества, поскольку иерархия является универсальным способом упорядочивания любого множества неидентичных элементов.

В свою очередь, психические возможности индивидов определяют качество их сообществ. Одно из направлений эволюции психики состоит в совершенствовании обучения, внутренних представлений и символизации (Орбели Л.А., 1949). В зависимости от степени развития этих функций взаимодействующие индивиды способны оценивать друг друга по разным критериям: на основе *очевидной результативности действий* и на основе понимания *внутреннего мира* другого, который всегда *не очевиден*. Этому разделению соответствует деление сообществ на анонимные и персонифицированные. Анонимные взаимодействия, характерные для животных, более примитивны, поскольку предполагают возможность замены одного индивида другим, если тот сможет осуществлять ту же функцию. В отличие от этого, при персонифицированных взаимодействиях, требующих развитой психики, важна личность другого, а не его функция. Характерной особенностью персонификации является взаимодействие через систему символов и смыслов (персона — маска), поскольку интерпретируется внутренний мир «другого», ни при каких условиях недоступный непосредственному наблюдению.

Обратные влияния (от сообщества к индивиду) определяются тем, что персонифицированные взаимодействия с необходимостью порождают новые психические свойства индивидуальности. К их числу относятся:

(1) социальное познание, направленное на понимание внутреннего мира другого; с ростом индивидуального разнообразия эта когнитивная функция постепенно отделяется от других информационных потоков и, начиная с приматов, связана с работой специализированного мозгового модуля;

(2) самосознание, которое является необходимым условием понимания внутреннего мира другого. По словам великого Николая Гартмана: «Кто лишен своей гордости, тот не поймет уязвления чужой; кто никогда не любил, смеется над чужой ревностью или страстью. *Собственное ощущения «Я» было и остается почвой для ощущения «Ты»* (Гартман, 1988, с.147)].

Литература

1. Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984
2. Асмолов А.Г. Принципы организации памяти человека. Системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.
4. Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007.
5. Берг Л.С. Труды по теории эволюции». Л.: Наука, 1977.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Сотрудничество, 1909.
7. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
8. Богданов А.А. «Тектология. (Всеобщая организационная наука). В 2-х книгах. М.: Экономика, 1989.
9. Вавилов Н.И. «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Классики современной генетики. М.: 1968.
10. Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей // Эволюция психических способностей по чистым и смешанным линиям. Вып.7. 1928.
11. Вернадский В.И. Очерки геохимии // М.: Наука, 1983.
12. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера // В кн.: Библ.Трудов акад. В.И.Вернадского (отв.ред.акад. А.Л.Яншин) // М.: Наука, 1994.
13. Выгодский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1 Вопросы теории и истории психологии. М.: 1982.

14. Гартман Н. Этика. Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2002.
15. Гартман Н. Старая и новая онтология. Историко-философский ежегодник. М., Наука, 1988.
16. Гильдебрант Д. Метафизика коммуникаций. СПб: из-во «Алетейя» ТО «Ступени», 2000.
17. Гробстайн Г. Стратегия жизни // М.: Мир, 1968.
18. Давиденков Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. М.: Наука, 1947.
19. Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.
20. Заварзин Г.А. Развитие микробных сообществ в истории Земли. В: Проблемы доантропогенной эволюции биосферы. М.: Наука. 1993. С. 212–222.
21. Заварзин Г.А. Эволюция микробных сообществ // Доклад, прочитанный на теоретическом семинаре геологов и биологов «Происхождение живых систем». 15-20 августа 2003 г., Горный Алтай, стационар «Денисова Пещера». 2003. Электронная публикация. Оригинал см. по адресу <http://www.bionet.nsc.ru/live/live.php?f=doclad&p=zavarzin>
22. Клаг У., Каммингс М. Мир биологии и медицины. Основы генетики. М.: Техносфера, 2009.
23. Ковалевский М.М. Сочинения: В 2 т. Т.1: Социология. - СПб.: Алетейя, 1997.
24. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Редакция журнала «Самообразование». М.: 2007.
25. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: 1983.
26. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Издательство «РЕСПУБЛИКА», 1998.
27. Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: «Гнозис». Издательская группа «Прогресс», 1992.
28. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб: «Наука», 2007.
29. Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М.: Наука, 1982.
30. Маргелис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. М.: Мир, 1983.
31. Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Из-во Астрель, 2010.
32. Матурана У. Биология познания. // В: Язык и интеллект. М.: Прогресс. 1996. С. 95–142
33. Мережковский К.С. Теория двух плазм как основа симбиогенеза, нового учения о происхождении организмов. СПб: Из-во Императорского Ун-та, 1909.

34. Орбели Л.А. Вопросы высшей нервной деятельности. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
35. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: УРСС, 2002.
36. Северцев А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М.: МГУ, 1967.
37. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т.1. Прогресс, его закон и причина. 1866. www.lib.ru/FILOSOF/SPENSER/oryty1.txt
38. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
39. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции: Теория стабилизирующего отбора. М.: Наука, 1968.
40. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. М.: «Московский клуб», 1992.
41. Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М.: МИРОС, 1994.
42. Эрлих П., Холм Р. Процесс эволюции. М.: Мир, 1966.
43. Ashby W.R. An introduction to cybernetics London: 3rd imp., 1958.
44. Bertalanfy L.von General System Theory Foundations. Development, Application. N.Y.: Braziller, 1969.
45. Fisher R.A. The Genetical Theory of Natural Selection. Oxford: Clarendon Press, 1930.
46. Maturana H. The organization of the living: A theory of the living organization// International Journal of Man-Machine Studies. Vol.7. 1975. P. 313–332.
47. Parker G.A. Evolutionary stable strategies. In: Behavioural Ecology: An Evolutionary Approach (eds. J.R.Krebs and N.B. Davies), 2nd edition, Oxford: Blackwell Scientific Publications, 1984.
48. Uexkull J. von Streifzuge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Springer Berlin. Translated in “Instinctive Behaviour”, 1957.